

Андрей Ашкеров

Интеллектуалы и модернизация

«Европа»

2010

Ашкеров А. Ю.

Интеллектуалы и модернизация / А. Ю. Ашкеров — «Европа», 2010

Новая книга известного российского мыслителя Андрея Ашкерова – о том, как модернизация делает общество изобретателем и первооткрывателем, а каждого из нас – инженером-конструктором собственной судьбы. Модернизация не сводится только к индустриальным, информационным или политическим технологиям. Технологии можно заимствовать, а модернизация не может состояться, если она равнозначна импорту. Суть модернизационного процесса – в создании новых форм жизни и деятельности, поэтому субъект модернизации не существует в готовом виде. Когда вопрос о модернизационном субъекте не терпит отлагательств, на политическую авансцену выходит партия воображения.

© Ашкеров А. Ю., 2010

© Европа, 2010

Содержание

Введение	5
Что такое современность?	8
Ускорять или замедлять?	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Андрей Ашкерov

Интеллектуалы и модернизация

Введение

Многочисленные рассуждения об интеллектуальном, креативном или ответственном классе вызывают ощущение, что инициаторы этих рассуждений апеллируют к готовой реальности, исключительно пригодной на описания и рефлексии. На проверку оказывается, что чем больше появляется описаний полувиртуальных групп, призванных занять «свято место» старой интеллигенции, тем более явственно это место превращается в пустошь.

Казалось бы, если рассуждать в русле конструктивистской социологии, должно было происходить обратное: интенсивность описаний и самоописаний обеспечивала бы интенсивность существования. Более того – гарантировала бы соответствующее право. Однако этого не происходит: апелляции к новому интеллектуальному классу не столько сгущают его реальность, сколько превращают в призрак, в любой момент готовый развеяться по ветру. И это при том, что есть разнородные с точки зрения идеологии и профессиональных ценностей группировки интеллектуалов, в которые входят настоящие кудесники околосоциальных классификаций.

Проблему эту понять проще, чем кажется: чем больше производится классификационных схем, тем меньше веры они вызывают у самих производителей. Интеллектуалы впали в радикальный номинализм: они узнают себя по отдельности и кажутся себе больше любого целого – будь то нация, класс или группа. Они выпадают из любого коллективного «мы», если это «мы» превосходит размеры микрогруппы (или случайной коалиции микрогрупп). Ни одна модернизация не может состояться, если не возникает социальной силы, способной соотнести с ней свои возможности и помыслы. Интеллектуальный класс в ситуации модернизационного процесса находится в обязывающей и двойственной роли:

*он увязывает образ будущего с границами собственной идентичности
(которая является предметом постоянной заботы интеллектуалов).*

С мировоззренческой точки зрения любая модернизация начинается с увязывания трех групп вопросов: проблематики существования, проблематики становления и проблематики политической автономии. Увязать эти вопросы можно только одним способом: осознанно придав сюжетность своему присутствию в истории, сделав это присутствие предметом планирования и управления. Классическая версия модернизации предполагает при этом распространение определенной сюжетной схемы на всю историю в целом. Если государство, по словам М. Вебера, предполагает монополию на насилие, то ранний модерн начинается с монополии на историческое участие (не стоит видеть в этом лишь проявление произвола, ибо без такого насилия история никогда не могла бы стать «всемирной»).

Сегодняшний сумеречный поздний модерн означает возвращение к описанной ситуации раннего модерна: попытки демонизации истории (и создание альтернативных форм исторического монополизма) лишь подтолкнули ее фиксацию где-то в зоне «перед концом». Вместе с тем модернизация не соответствует своему названию, если тот, кто решается на нее, довольствуется апробированными схемами исторического участия. Модернизация – не просто сумма технологических нововведений или политический курс. Это определенный тип исторической коллизии, суть которой в том, что

*герой решается выступить в качестве автора, то есть соединить
самоописание и действие*

(с жанровой точки зрения модернизация как текст соотносится, конечно, с литературным реализмом). Так вот, именно этого не хватает представителям старой интеллигенции, принципиально разводящим практику и рефлексию, ну и, разумеется, рассматривающим рефлексию как алиби безошибочности (деятельность всегда предполагает ошибки).

Если обозначить вопрос о модернизации не в стилистике мировоззренческих суждений, а в стилистике гуманитарно-технологических решений, то звучать он будет, по нашему мнению, как вопрос о практической историографии. Модернизация начинается с обозначения структуры и «плотности» истории, с периодизации, отделяющей «до» от «после», с определения исторических целей, с придания истории направления и смысла. Стоит повториться еще раз: для интеллектуального класса это не просто абстрактно-теоретические вопросы, которыми он занимается профессионально или «из интереса». Это вопросы, сводящиеся к главному для него вопросу – вопросу об идентичности, к выяснению того, кем является он сам.

В то же время начиная с эпохи Просвещения западный интеллектуальный класс не случайно определяет себя как агента современности: тем самым принципы исторического участия не столько превращаются в предмет рефлексии, сколько реализуются как практическая программа, без которой интеллектуальный класс – «никто». Напротив, в ситуации сегодняшней России интеллектуальный класс почти исключительно предпочитает роль «великого анонима». Никакого действия – только чистая рефлексия! Однако

*тот, кто отвергает право на ошибку, ошибается во сто крат больше,
нежели тот, кто готов ее совершить.*

При этом историческая рефлексия интеллектуалов сводится к продлеваемой до бесконечности ревизии предыдущего опыта, а по возможности – и к аннулированию его итогов (правые аннулируют советский период, левые – дореволюционный). В итоге заведомо противоречивое историческое повествование заменяет гладкопись, а историческое участие отталкивается от гиперрефлексивной безучастности (интеллектуалы, к слову сказать, часто путают апатию как блокировку чувственного восприятия и апатию как форму героической суровости, для которой нужна особенная подготовка). Статус «великого анонима», чуждого любым формам социальной сборки, превращает интеллектуальный класс не только в главную силу, но и в основную проблему модернизации. Причем решить эту проблему может только он сам.

Начало решения этой проблемы – в разработке новой практической историографии, которая позволила бы отказаться от нынешней криптомарксистской историографической системы, основанной на формационной методологии и признании России частным случаем «азиатского способа производства». В каждом из двух элементов существующей историографии нет ничего особенно вызывающего, однако, соединенные вместе, они оборачиваются невероятным комплексом по отношению к историческому участию как таковому.

«Азиатский способ производства» основывает свое могущество на превращении коллективной жизнедеятельности в объект собственности носителей верховной власти и принципиальном ограничении любых форм интенсивного исторического участия (это проявляется в том, что так называемые восточные общества в наименьшей степени поддаются описанию с точки зрения разнообразных эволюционистских спекуляций). Назвать ленинско-сталинскую модель общества «азиатской» было бы неправильно уже с точки зрения того, что она предполагала не только интенсивное историческое участие, но и сама стремилась задавать критерии такой интенсивности. Однако хуже другое: критика русской «Азии» оборачивается апологетикой собственности государства на практики сосуществования и коллективного труда – в этой форме собственности усматривается корень российской цивилизационной самобытности (с каким бы знаком ни рассматривалась последняя). С

политической точки зрения аналитика сменяющих друг друга формаций представляет собой наиболее легкий способ придать объективистскую форму представлениям об историческом процессе как эстафете и притязаниям на всемирно-историческое лидерство.

Сегодня будущее интеллектуального класса в России связано с новой историографией, которая была бы в равной степени далека как от навязчивой апелляции к уникальности отечественного опыта, так и от попытки отменить этот опыт под влиянием непреложных исторических законов. Создание новой историографии предполагает три существенных пункта:

1) Признание советского периода эпохой стремления к справедливости, а современного периода – эпохой стремления к свободе.

2) Признание того, что соединение идей свободы и справедливости является ключевой проблемой, с которой связано историческое самоопределение нынешней России.

3) Признание того, что Россия никогда не будет современной, если она не будет участвовать в мировом тендере на определение гуманитарно-антропологических, социально-экономических, технико-производственных и прочих характеристик современности.

Что такое современность?

Современность – не состояние или этап, а структура отношений, которые позволяют субъекту не просто участвовать в процессе изменений, но обладать авторскими функциями по отношению к жизни, которой он живет.

Авторство по отношению к жизни – не привилегия или награда, а своего рода социальная функция, с которой после прихода модерна соотносятся все остальные социальные функции. Авторство по отношению к жизни – это отношение отношений, не просто позволяющее человеку быть собой, но увязывающее эту возможность с умением хотя бы в малой степени управлять временем и определять его облик. Модерн – эпоха начала массового производства идентичностей. Однако это и эпоха, в которой каждый получает хотя бы минимальные права на участие в этом производстве.

Модерн – это эпоха обобществленного времени, предельно насыщенного и вязкого, служащего к тому же матрицей любых форм социальной сегрегации. Мысль представляет собой чистую метафору времени, поскольку соединяет в себе длительность и необратимость. Практика как результирующая от осуществления общественных ролей и воспроизводства отношений соотносится со временем метонимически, поскольку составляет динамический элемент временной неотвратимости и временного постоянства (из времени нельзя выпрыгнуть).

Интеллектуальный класс не потому главный герой модерна, что он берется всех «просвещать», а потому, что, соединяя практику и мысль, он устанавливает двойную связь с современностью – метонимическую и метафорическую одновременно. Кризис интеллектуального класса, грозит ли он «эпистемическими» или «социальными» последствиями, в итоге оборачивается неспособностью поддерживать эту связь. Подобный расклад незамедлительно сказывается на качестве самого времени, которое приходит к деградации по меньшей мере двух своих аспектов —

становления и вечности.

Именно это мы с большой отчетливостью наблюдаем сегодня: в качестве подручного заменителя вечности выступает замусоренное пространство виртуальных коммуникаций, подручным аналогом становления оказывается новостная лента. Описанная безрадостная картина дополняется специфическими красками для тех, кто встал на путь так называемой догоняющей модернизации, так как не просто принял чужую современность за свою, но отказал себе в возможности быть современным.

Развилка, на которой находится Россия, связана с модернизацией прежней модели «догоняющей модернизации» (то есть фактически с борьбой одного фронта модернизации против другого фронта). «Догоняющая модернизация» сводится к экспорту: (а) принципиально устаревших, (б) неадаптируемых к местным условиям форм современности. Этот экспорт осуществляется обычно в рамках признания того, что местные условия «принципиально не модернизируются», которое легитимирует дальнейшее отторжение модернизационных ценностей и технологий.

Суть «догоняющей модернизации» совсем не в тиражировании современности через преодоление косной реальности, а в навязывании западной модели ускорения временных потоков. Применение этой модели ведет к двойной ошибке:

1) ошибка принципиального неравенства — невозможно быть на равных с теми, кто превращает модернизацию вставку исторической игры на опережение,

2) ошибка ложного следования образцам – невозможно модернизироваться, если свести современность к сумме шаблонов для подражания, ибо это ведет к добровольной колонизации (любые образцы создаются для того, чтобы быть неподражаемыми).

Современность – это не веяние или свойство, не статус и не тренд. Это организованная коллективная способность управлять будущим.

Реализация этой способности оборачивается большими издержками: любой аспект повседневности оказывается чреват неопределенностью и риском, несчастье и «злой рок» превращаются в предмет статистики, невозможность противостоять ускорению происходящего сопутствует каждому человеческому шагу. При этом способность к управлению будущим связана с достижением автономии, причем не столько интеллектуальной, о которой так заботился И. Кант, или политической, о которой так пекся К. Шмитт, сколько автономии исторического участия. Именно современность (модернити) открывает нам, что даже присутствие на задворках истории является предметом борьбы, целью которой в конечном счете выступает определение облика самой истории.

Ускорять или замедлять?

Предметом подлинной «борьбы за историю» служат не только интенсивные формы исторического участия (приписываемые так называемым горячим обществам), но и его традиционалистские формы, организованные в рамках канонизации социокультурного наследия и культивации прецедента. Стоит напомнить, что

традиция как ресурс, открывающий возможность неограниченного использования исторического опыта и памяти, возникает в рамках романтизма (и, соответственно, то же в эпоху модерна).

Одновременно традиция – это совокупность способов продуктивно противостоять неконтролируемому ускорению времени, а значит, всем проявлениям риска и неопределенности, с влиянием которых сопряжена жизнедеятельность западных обществ проектного типа. Модернизировать модель «догоняющей модернизации» – значит воспринять традицию как стратегическое решение, позволяющее управлять временем не только ценой повышения ставок его интенсивности, но и ценой их понижения. Именно

традиция позволяет освободиться от наивного модернистского комплекса, в соответствии с которым время (и в особенности будущее) воспринимается как сырье, не способное закончиться даже в самой отдаленной перспективе.

России следует связать нынешнюю фазу своей модернизации не с ролью страны, овладевающей устаревшими и небезопасными технологиями ускорения времени, а с ролью альтернативной цивилизационной модели, в которой преобладает искусство отсрочки и замедления.

С ростом издержек «цивилизации скорости» (Вирильо) запрос на искусство не только ускорять, но и замедлять социальные процессы будет только расти. Уже сейчас такие явления, как массовый дауншифтинг, городской неолуддизм, а также отказ от современных средств связи и апгрейда компьютерных точек свидетельствует о том, что чередование ускорения и замедления превратится в доминанту наступающей эпохи.

Эти тенденции не могут не найти отклика в русской культуре, однако для того, чтобы они были учтены, недостаточно прибавить к слову «модернизация» эпитет «консервативная».

Необходимо оценить то, что Россия, как ни одна другая страна в мире, испытала на себе участь полигона модернизационных проектов разного срока давности. И не просто испытала, а самым причудливым образом отразила это в конфигурациях своей исторической памяти, а значит, не только на механизмах вытеснения, накопления и структурирования информации, но и на разграничении социальных функций «старого» и «нового», «теперь» и «прежде».

Модернизация – дидактическое начинание, связанное с реформой всей системы социализации. Особенность нынешней модернизации России состоит в том, что она может состояться лишь при условии извлечения уроков из всех прежних модернизаций.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.